

Янгузин Айбулат Римович

ФЕНОМЕН СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Статья раскрывает специфику феномена свободы личности. Основное внимание в работе автор акцентирует на свободе личности и ее самоопределении в формировании духовности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/58.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 224-229. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Что же касается сложности задачи выбора, то она непосредственно зависит от частоты количественных показателей и степени их предполагаемого обособленного исследования. Немаловажное значение имеет также степень подобия модели данной ситуации тем моделям, с которыми индивид уже имел дело. Имея полную рациональность, можно предположить, что индивид обладает полной информацией о позитивных сторонах достигнутого результата [2].

При рассмотрении адекватной мотивации следует постоянно коррелировать два основных аспекта. С одной стороны, чем большее значение имеет выбор, тем больше времени уходит на анализ самой проблемы, но тем быстрее человек и освоит ее. С другой стороны, следует иметь в виду, что чем больше человек уверен относительно того, что его выбор оказывает влияние на сам результат, тем сильнее мотивация рационального поведения с точки зрения самой стратегии выбора.

Когда селективная рациональность касается частоты и качества адекватной информации, приоритетное значение будет иметь соответствие получаемой информации содержанию выбора, так как будет действовать принцип, связывающий адекватность информации с независимостью рациональности. Другими словами, чем адекватнее информация, тем адекватнее модель принятия решения соответствующей независимой рациональности. Обычно в подобных ситуациях используется модель с минимальным уровнем сложности, так как, например, правовые институты способствуют максимальному упрощению мыслительных операций, которые возникают в ходе принятия решений. Если речь заходит об адекватной информации, то, естественно, информированность является необходимым фактором для изменения в целях, с учетом которых будут приниматься решения. Стремление к увеличению частоты выбора обычно не только дает возможность снизить вероятность отхода от предельного решения, но и увеличивает для субъекта полезность полученной информации.

Заметим, что речь идет только о различных типах индивидуальной рациональности, так как решение проблем переносится фактически в сферу принятия индивидуальных решений, необходимых для обращения к субъекту правового решения, деятельности и поведения. Рассмотрение же моделей интерактивной рациональности в задачи данного исследования не входило, как не входило, например, рассмотрение соотношения рационального и нерационального на уровне индивидуальном и интерактивном.

Список литературы

1. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. М., 1986.
2. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998. 480 с.
3. Никифоров А. Л. Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности // Рациональность на перепутье. М., 1999. С. 295-313.
4. Попов В. В., Щеглов Б. С. Логика «будущего изменения» А. Прайора // Смирновские чтения. 2001. С. 157-159.
5. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. 744 с.
6. Швырев В. С. О деятельностном подходе к истолкованию «феномена человека» // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 107-114.

LAW RATIONALITY IN POST-NON-CLASSICAL SCIENCE

Boris Sergeevich Shcheglov, Doctor in Philosophy, Professor
Tat'yana Petrovna Agafonova, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Taganrog State Pedagogical Institute
vitl_2002@list.ru

The authors discuss various aspects of law in the context of post-non-classical rationality, consider law as one's own responsibility and reflexive control and demonstrate the features of law rationality and freedom of choice.

Key words and phrases: law; law rationality; post-non-classical rationality; reflexive control.

УДК 130.122

Статья раскрывает специфику феномена свободы личности. Основное внимание в работе автор акцентирует на свободе личности и ее самоопределении в формировании духовности.

Ключевые слова и фразы: свобода личности; самоопределение; высокодуховная личность; «границы» свободы.

Айбулат Римович Янгузин, д. филос. н., доцент
Кафедра философии и методологии науки
Бакирский государственный университет
nbret@yandex.ru

ФЕНОМЕН СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ®

Человек, включённый в природную, биосоциальную и экосоциальную системы, представляет собой уникальное социокультурное и духовное явление. Но уникальное, неповторимое есть в то же время проявление абсолютного начала в личности.

В существующем мире есть что-то в единственном числе. Когда мы принадлежим этому абсолютному, то выйти за его пределы практически не можем. За границами абсолютного нет ничего. Оно – одно из всех, не дробится, не множится. «Абсолютное “Я” личности есть нечто неделимое, то, что никогда не дробится» [2, с. 309]. Но тут возникают противоречия. Если чистое стремление к свободе противодействует природному влечению, то из него может последовать только воздержание, а никак не позитивное действие, кроме лишь «внутреннего действия самоопределения» [Там же, с. 324-325]. В этом случае мы получаем аскетическую мораль воздержания, которая призвана прийти к «непрерывному самоотрицанию». В сущности, речь идёт о действии самоуничтожения. Сторонники аскетической морали, однако, могут возразить, что они не желают полного самоуничтожения; после устранения природных влечений должно оставаться *нечто положительное, позитивное*, а именно – само *чисто нравственное стремление* как «внутреннее действие самоопределения».

В настоящее время превалирует понимание личности, в котором главное внимание уделяется творческой, духовной природе человека.

Однако самоопределение есть с необходимостью «определение себя» к действию, к духовному желанию, а в конечном счете к свободе. Основание самоопределения содержится в «Я», в социальном субъекте. Желание же есть желание чего-либо. Личность не может иначе определять себя, как только через посредство природного элемента. Таким образом, свобода (если она только хочет быть реальной свободой) призвана *воплотиться*, т.е. принять «плоть» и «кровь» органического мира, или же обратиться в самоуничтожение, отодвинуться в небытие.

Неопределённость общественной и личной свободы часто проявляется в том, что для её достижения человеку недостаёт альтернативы. Человек (индивидуум) чувствует, что, наконец, пресытился «своим» окружением (домом, социальным окружением), так что для ощущения полноты жизни ему хочется иного (например, сменить культурную обстановку). «Однако, – пишет А. М. Максимов, – как только начинает перевешивать искомая альтернатива, нас снова тянет к тому, от чего мы прежде отказались. Выходит, чувство свободы заключается в попытках удержать все альтернативы сразу» [4, с. 31]. Добавим – всё «Я» в человеке, всё его самосознание во всём богатстве его культурных импликаций.

Личность только тогда достигает самоопределения, когда обращается от внешнего мира в глубины своей души и именно там находит, обретает свою истинную суть, где встречает истину, духовный покой и душевную безмятежность, которые недоступны низменному, обыденному человеку.

Возвышенный человек пытается отвернуться от эмпирической красоты и ищет красоту подлинную и истинную. Именно данная красота и выступает потенцией его самоопределения.

Высокодуховная личность – в основном этический, а не разумный феномен. Разум (ни индивидуальный, ни общественный) не может быть подлинным источником красоты, в основе которого лежит единство социальных и духовных частей. Сам по себе разум далек от единства. Он может быть и хаотической совокупностью содержащихся в нем социальных идей. Ведь и в обыденной, повседневной жизни мы знаем, как трудно бывает свести все знания к единству, преодолеть простое многознание.

Поэтому духовная личность олицетворяет собой содержание и единство актов, интенционально направленных на иные личности. Подобно тому, как каждому субъекту принадлежит объект, так и каждой личности принадлежит «вторая личность». Всякому «Я» принадлежит «Ты». Другая личность, иное «лицо» выступает носителем объективного духа. «Объективный дух, – пишет Гегель, – есть личность (Person) и, как таковая, имеет в собственности реальность своей свободы. Ибо в собственности вещь становится тем, чем она есть, а именно она полагается как что-то несамостоятельное и как то, что по существу имеет значение лишь как реальность свободной воли некоторой личности и тем самым неприкосновенна для всякой другой личности» [3, с. 34]. Здесь же, наблюдая субъективное, знающее себя свободным, можно увидеть внешнюю реальность данной свободы. Дух, как внутреннее «Я» личности, приходит поэтому здесь к своему «для-себя-бытию», так что объективность духа, духовного входит в свои права.

С XVIII века личность постепенно начинают отличать от индивидуальности. При этом само понимание «личности» предстаёт особенно отчётливым образом в известном социокультурном феномене «раздвоения личности».

Однако какие бы теории личности нами ни рассматривались, ясно, что личность связана с духовным «Я» человека и его свободой. Идея высокодуховной и духовно-богатой личности связана, на наш взгляд, в конечном счёте с попытками ответов на «вечные», метафизические вопросы человечества, которые мы обнаруживаем в философских теориях, в художественных произведениях, в самой системе моральных норм и в естественно-научных концепциях.

Высокодуховная личность связана, на наш взгляд, со способностью жить, существовать, прежде всего, для других. Не существует для человека иного мира, кроме как мира, проявляющегося в единении со всеми людьми. Желание служить общему благу, человеческому роду непременно должно стать потребностью человеческой души, условием личного счастья. Ведь жить для себя – это ещё не значит жить вообще. Ложное счастье делает людей чёрствыми; такое счастье никогда не сообщается другим. Истинное же счастье делает людей добрыми, причём это счастье и страдание разделяются другими. Подлинная оценка человека заключается в том, в какой степени и в каком смысле он может добиться освобождения от своих эгоистических, эмпирических страстей. Ведь главная тайна счастья состоит в способности преодоления круга своего эмпирического, эгоистического «Я».

Философский анализ феномена высокодуховной личности – это, прежде всего, анализ «чистых» условий любви вообще как человеческой способности, как инварианта, остающегося неизменным в разных культурных формах, в различных исторических эпохах. Любовь, на наш взгляд, есть, прежде всего, чувство идеальной основы личности, есть источник творчества; ведь и сама любовь к ближнему и дальнему «Я» есть уже само по себе творчество, есть излучение определённой творческой энергии.

Условием любви как основы высокодуховной личности выступает необходимость поддержания человеческой формы существования. Это поддержание «живой души» любви культивировалось в христианской религии с самого начала её возникновения. В данном отношении социальным эквивалентом духовной, нравственной жизни выступает любовь как основа всего сущего, как высший закон человеческой, достойной жизни.

Будущее человечества основывается на своём духовном потенциале, базис которого составляли и составляют общечеловеческие идеи как обобщённое, универсальное, концентрированное выражение социокультурного опыта, разума, совести человечества. Эти идеи, развитые ещё в немецкой классической философии, выступают определённой константой мира человеческих взаимоотношений, которая как раз и формирует направление их исторического развития.

В реальной жизни человек, как правило, опирается на устоявшиеся ценности. В настоящее время, когда люди обнаруживают свою незащищённость, осознают необходимость очищения от квазииллюзий, складывается ситуация, когда оказывается, что совершенно невозможно достичь новых культуросозидающих идей, целей, опираясь только на какую-то одну единственную теоретическую концепцию.

Люди, как известно, могут испытывать страх перед разными вещами. Они боятся темноты, одиночества, бедности, других людей и т.д. При этом некоторые страхи ложны, так что человеку вполне можно помочь от них избавиться. В то же время иные выступают «вечными» спутниками человечества и овеяны тайнами. Таков страх смерти. Страх многолик; он способен порождать добро и зло. Однако если, например, устранить страх смерти, то свобода, вероятнее всего, утратила бы свой смысл и превратилась бы в скуку. Итак, свобода как преодоление страха испытывает потребность в самом страхе как в своей альтернативе.

Исследование идеи свободы позволяет прийти к выводу о том, что человеческая личность невозможна без понятия «границы», последняя – напряжённое ничто, пустота, порождающая несвободу, рабство в форме той или иной реализующейся альтернативы. Граница есть неотъемлемое свойство жизнедеятельности человека. С помощью границы человек определяет свою устойчивость по отношению к другому. Идея личности, осмысленная в единстве со своей границей, открывает и путь к общественной свободе. Граница и разъединяет, и соединяет вещи. Представляя собой конечное качество, она в потенции заключает в себе различные внутренние определённости.

Как правило, принято считать, что идея личности формируется в европейской традиции. Действительно, личность олицетворяет собой содержание, центр и единство актов, интенционально направленных на другие личности, на их нравственное «ядро». А идея христианства как раз и связана с духовным, нравственным «Я» человека.

Однако в арабо-мусульманской философской традиции тема человеческой личности также обозначена достаточно рельефным образом. Все вещи и существа различаются по степени совершенства. Самым совершенным творением Бога выступает человек. Человек – это малое или, лучше сказать, слабое подобие всей Вселенной. В нём заключены все творческие потенции, силы и способности, существующие в мире. Вселенная – это «большой человек», а человек – «малая Вселенная», микрокосм.

Из сказанного вытекают различные определения человеческой свободы. Свобода нами видится как непрерывное стремление человека к бесконечности, как вечная тоска по прекрасному. Именно поэтому общество никогда не может достичь в полной мере абсолютной справедливости. Свобода как освоение оборачивается в конечном счёте посягательством её субъекта на естественные состояния объектов природы, сложившиеся социальные институты, а также сложившийся внутренний мир. Поэтому свобода должна содержать внутренний эрос, чтобы приостановить чрезмерное стремление к прекрасному. Свобода, если она хочет быть реальной свободой, должна взращиваться, культивироваться.

Как невозможно представить себе одновременное нахождение и ненахождение движущегося тела в одной и той же точке, так невозможно и одно лишь интеллектуальное абсолютное воображение свободы.

Острое переживание состояния подлинной свободы личности и общества внезапно, целостно. В этом целостном переживании оказывается снятым внутреннее противоречие отчуждения и освоения, радости и страдания. Но такое ощущение подлинной свободы – всего лишь мгновение, в котором сливаются без различия любовь, творчество и истина, прошлое, настоящее и будущее. А затем снова следует возвращение к чувству парадоксальности и неуловимости свободы, к рефлексии над приобретениями и утратами.

Тип человека культуры сегодня всё же сохраняется, как и противоположный ему тип человека эмпирической жизни (в последнем случае человек оказывается рабом своей воли, так как привязанность к эмпирическим объектам уменьшает свободу выбора и уводит в направлении, противоположном свободе).

С одной стороны, от этих типов зависит сама форма эстетизации действительности, а с другой – само свободное начало формирует эти типы. Дело в том, что свободная деятельность как деятельность по «законам красоты» основывается на двух основных онтолого-психологических явлениях. Это, во-первых, парадигма «движение», принимающая форму тяги к творчеству, поиску, изменениям, к духовному движению. Это, во-вторых, парадигма «покой» (тяга к стабильному, привычному, традиционному бытию, к жизни спокойной и размеренной). Данные парадигмы и образуют тип как «внутреннего», так и «внешнего» человека. Эмпирический человек, вероятнее всего, не способен к действительной самореализации, к самоопределению, а вместо этого обладает разными способностями и формами самовыражения. Противоположный ему тип, помимо форм самовыражения, способен и к самореализации, к выявлению своей самости в мире, к созданию особых ценностей культуры через личную активность и творчество. Для самовыражения значимы, прежде всего, ценности, облегчающие и утверждающие эмпирическую жизнь индивида, даже если некоторые из этих ценностей иллюзорны, но считаются полезными, а поэтому и достойными уважения. Самовыражение, самоопределение могут иметь значение конформизма, быть исполнением роли, которой ждёт от индивида данное общество. Самовыражение может быть чисто внешним, формальным, маской, сокрытием своей самости.

В общем смысле самовыражением является всякий – и мелкий, и крупный – жизненный акт человека, в том числе и акты, нацеленные на разрушение, агрессивное поведение и т.д. Более ограниченный смысл имеет понятие «самоутверждение». Оно относится к более крупным событиям жизни человека, характеризующим его как тип. Если для духовного человека самоутверждение означает проявление себя как духа и относится к идеальному миру творчества и к выявлению самости, то для эмпирического человека это понятие связано с эмпирическими ценностями и идеалами (богатство, чин, слава и т.п.), с культом телесной силы, с культом различных материальных вещей. Человеческая душа в этом случае оказывается простым придатком «высшей» реальности, инструментом достижения эмпирических целей. Человек обеспечивает себя не с помощью знаний и творчества; свои удачи он черпает из самой обыденной действительности, и интересы эмпирического существования оказываются для него значительнее и ценнее всех интересов культуры.

Поскольку человек сам является представителем этой жизни, его это оказывается для него ценнее всего. Таково главное противоречие такого сознания: эгоцентризм не мешает ему делать своё главное – душу – придатком внешних вещей и норм. Возможно, психологически он весь свой эмпирический мир воспринимает как часть своего «Я», как пространство, которым он может в какой-то форме и степени обладать. К тому же внешние ценности доставляют ему удовольствие, а само удовольствие – главная ценность его души, и если бы удовольствие полностью олицетворяло собою жизненную стихию, то мы были бы вынуждены признать, что он более эстетичен, чем человек духовный. Поскольку в социуме достаточно высокого жизнеобеспечения можно достичь более простыми путями, приобщаясь к эмпирическим жизненным ценностям, поскольку само социальное воспитание способствует этому и поощряет это, массы людей становятся обывателями, представителями парадигмы «покой» и соответствующей эстетики жизни, а люди культуры оказываются в подавляющем меньшинстве.

Удовольствие – одна из составляющих духовного целого. Но человек устроен так, что в нём невозможна гармония «духовных» и «плотских» удовольствий, и, как правило, в одном характере что-то из этого преобладает. Всякое же удовольствие имеет тенденцию к закреплению в данном организме, к усилению. Поэтому два основных вида удовольствия как бы начинают конкурировать в душе одного индивида, вытеснять друг друга, так что к одному виду удовольствия человек более привыкает, чем к другому, тем более если этому способствует сама окружающая его среда. Подобные пристрастия образуются на уровне подсознания и мало зависят от свободного выбора человека. Человек в той или иной жизненной ситуации может быть и тем, и другим, но в целом какое-то из названных начал в нём преобладает. Такая зависимость от собственного характера ощущалась бы человеком как рабство, как невозможность сделать то, что он хочет сделать, но что не соответствует его внутреннему складу. Но, как правило, именно удовольствие привязывает его к действиям и желаниям, которые не противоречат его духовности. Духовная деятельность сопряжена со многими страданиями, волнениями, несчастьями. Человек был бы самым несчастным существом на свете, если бы духовное удовольствие не умело эстетизировать, наделять смыслом все эти чуждые ему вещи.

Итак, самоопределение личности возможно в основном в области духовного бытия. При этом самоопределение на основе одной только мысли невозможно. Мысль не способна настолько одухотворить реальность, чтобы принять её. Она более разъединяет элементы целого, чем их соединяет. Она имеет тенденцию к критике мироздания и социума, к отчуждению от них и самозамыканию (культ идеального мира в ущерб миру материальному, власть абстракции над индивидом, излишняя созерцательность, отнимающая у человека энергию действия). Интеллект, желающий рассуждать позитивно, часто достигает лишь холодного и поверхностного рационализма и догматического знания. В современную нам эпоху интеллект желает доминировать и закабалить своего субъекта таким образом, что последний оказывается лишь формальным носителем интеллекта, приобретающего самостоятельное значение. Со стороны это может выглядеть как одержимость субъекта идеями, но не он при этом владеет ею, а она им, причём эта идея может быть антигуманной, не отвечающей идеалам добра и красоты.

Идея, сведённая к воле, опредмечивает прошлую свободную способность человека, превращает её в ограниченный субъект, тем самым уменьшая арсенал свободных способностей индивида. Самоопределяясь и становясь кем-то, мы в данной целенаправленности жаждем власти над осваиваемой предметностью, ощущаем себя господами ситуации.

Но и в тот момент, когда общество испытывает отчуждённость от привычных взаимосвязей – это также рабство, хотя и наизнанку. Ведь отчуждение – потеря прошлых, пусть «погрязших» в предметности, способностей. Трудно сказать, как можно достичь гармонического равновесия моментов освоения и отчуждения в реальной свободе. Поиски такой гармонии никогда не прекращались на всём протяжении истории. Получается, что свобода «заключает в себе одновременно любовь и ненависть, самоотдачу и самосохранение, стремление к увеличению числа внешних связей и отгораживание от внешнего мира. Отбрасывание «иного», его удаление из сферы «Я» – это разновидность разрыва внешних связей, освобождение от внешних зависимостей и пут; свободен в этом смысле тот, кто ни от кого и ни от чего (кроме самого себя) не зависит, кто лишён внешних связей и привязанностей, имеет тенденцию к абсолютности. Напротив, освоение иного бытия предполагает погрязание во внешнем и первоначально чуждом, увеличение количества внешних связей, усиление зависимости от иногобытия; в этом смысле более свободен тот, у кого больше внешних связей, внешних возможностей. Свобода не есть просто возможность выходить во внешний для своего «Я» мир, но именно способность делать этот мир своим, осваивать его, расширяя тем самым сферу самобытия» [4, с. 52].

Сказанное можно применить также к категории личности и её свободы, трактуемой как самоограничение, как самостоятельный выбор собственных границ. Философия свободы личности есть диалектика границы. И в этом – вся суть проблемы.

Диалектика внутренних и внешних границ достаточно отчётливо просматривается в процессе исследования системы ценностей и ценностных ориентаций. Любое целое становится таковым при условии, если все его части пронизаны внутренним единством. Включённость человека в мир общественных ценностей и его самоопределение есть единый взаимообусловленный процесс, некое «стояние» на границе.

Необходимо очертить возможные границы свободы и соответствующие им границы ответственности. Ответственность человека непосредственным образом связана с его свободой, выбором. Если выбор и действия человека были чем-то ограничены, то в данном случае ответственность могла бы оказаться уменьшенной. В. Виндельбанд пишет о том, что как «в свободе действия, так и в свободе выбора можно отметить целый ряд ступеней; как тут, так и там границы не постоянны и свобода может перейти в отсутствие свободы» [1, с. 562]. Широта границ свободы определяется индивидуальными особенностями человека, а также всей совокупностью форм общественной жизни. Любой выбор, как правило, ограничен какими-либо пределами (в частности, пределами знания человека). Поэтому выбор так же, как и человеческое знание, порой бывает неполным. Итак, заведённый механизм ценностных ориентаций движет человека в нужном направлении, осуществляя взаимопереходы внутреннего и внешнего.

Внутренний мир личности, безусловно, глубок и необъятен. Речь идёт о мире абсолютной свободы. Но говорить о нём как о мире свободы всё же можно как о потенции. Внутренний мир так же, как и внешний, имеет свои границы. Он делится на душевный и духовный. Как показывают исследования, не душевный мир человека, а дух приносит абсолютную свободу. Поэтому человеку стать свободным не так просто. В своём продвижении к свободе человек призван всю жизнь работать над совершенствованием как своей душевной, так и телесной организации.

Человеческое бытие имеет широкие пределы. Человек стремится постичь тайну и смысл индивидуального бытия, исходя из многомерности индивида и многомерности основания его существования. При этом допускается возможность перехода человека из одного измерения в другое. Сам способ существования индивида определяется в зависимости от того, в какое «зеркало» он смотрится. Человек как бы сам «предзадаёт» пределы и границы своего существования.

Свобода реализуется поэтапно. Одни границы определяют её становление, в пределах других происходит её воплощение. При этом формирование свободы проходит этапы, имеющие различную психологическую окраску. На первоначальной стадии человек томится муками выбора, стремится согласовать свои внутренние границы с внешними. Такое состояние может длиться достаточно долго, пока не завершится образованием новой границы, в пределах которой между внутренним и внешним возникает непродолжительная тождественность и наступает момент проявления свободы. Человек, как и всё общество в целом, переживает чувства радости и счастья. Как правило, данное состояние кратковременно, а порой оно просто мгновенно. Аналогичным образом проявляет себя и свобода. К тому же ощущения радости и счастья далеко не всегда являются показателями реальной общественной свободы. Человек может быть загнанным «в угол», так что его субъективные ощущения станут неадекватными. Однако понять это человек может далеко не сразу. Граница, мера способствуют восстановлению должных пропорций между свободой и необходимостью. Так, ещё Шеллинг писал о том, что необходимость и свобода присутствуют друг в друге «как единая сущность, которая являет себя той или другой, только будучи рассмотрена с разных сторон; сама по себе она – свобода, формально – необходимость» [5, с. 130-131].

Нам думается, что свобода рождается вместе с человеком как единство материального и духовного начал. Она выступает имманентным аспектом развития любого нечего, вплоть до его становления (включая и общество!).

Поскольку природа свободы многомерна, то речь идёт о способности на экспансию собственного начала и освоение чужого, возможность обретения своей непосредственности, самодвижения, самоопределения, универсализации.

Самое загадочное на свете – это вечное слияние реальности и иллюзии, слияние, из которого произрастает вся нищета и всё величие человеческого бытия, всегда заполненного всевозможными парадоксами и противоречиями, явлениями бесконечно многозначными и странными. Человек, даже грезя Абсолютом и в какой-то форме соприкасаясь с ним, в сущности, знает только человеческий мир, т.е. только то, что он может помыслить, почувствовать, воспринять, пережить. Проходя через нашу субъективность, любая объективная реальность, естественно, искажается, преобразуется, оформляется в соответствии с нашими возможностями, запросами, интересами, фантазией, опытом. Следовательно, во всём уже изначально присутствует элемент иллюзорности, в том числе и в вещах самых очевидных. Для человека важнее видеть мир не таким, каков он есть в себе, а именно таким, каким этот мир существует в связи с его желанием. Поэтому человеческая тяга к истине всегда борется с тягой к иллюзии. Человек в одинаковой степени не мог бы обитать в мире как сплошных приятных иллюзий, так и в мире множества горьких истин. Он обычно выбирает – или его природа выбирает за него – среднее.

Человек не только пассивно воспринимает какую-либо реальность, но и активно, в мысли и чувстве, творит её. Мы подчёркиваем этот, в общем-то, уже известный факт как раз в связи с тем обстоятельством, что любое творчество не может иметь места без фантазии, а там, где есть фантазия, там присутствует и иллюзия, способная многое как приукрасить, так и утрировать. Ведь многое зависит от уровня развития самого субъекта восприятия, от его осмысления социокультурной реальности.

Границы, образующие бесчисленное множество различных ячеек, в конечном счёте приводят к формированию некой целостности. Однако это состояние кратковременно. Границы постоянно изменяются, между ними редко достигается продолжительное согласие. Свобода каждый раз как бы возникает заново. Схематично граница представляется в форме круга, сохраняющего и оберегающего человека. Он порой расширяется,

порой сокращается, сохраняя человеческую целостность. Разрыв пограничной линии приводит к образованию новых границ, более прочных или более слабых.

Обращённость при исследовании проблемы свободы к антиномиям, альтернативам, границам позволяет сделать следующие основные выводы из вышесказанного.

1. Свобода возникает вместе с человеком как единство материального и духовного начал личности.
2. Свобода является имманентным аспектом развития любого нечего, вплоть до его становления.

Сама по себе природа свободы многомерна. Свобода есть потенция к экспансии собственного качества и освоение чужого, возможность обретения своей непосредственности, универсализации.

Являясь важнейшей характеристикой бытия, свобода обусловлена взаимодействием его основных форм: конечного и бесконечного, идеального и материального, рационального и иррационального. Свобода внутренне противоречива.

Свобода как экспансия «Я» вовне напоминает тенденцию к добру. А последнее проявляется в стремлении к совершенству, целостности, расширению «Я».

Из понимания свободы как способности самоопределения, самопроявления, самооткровения вовсе не следует её образное представление только в виде внутреннего света, озаряющего внешнюю жизнь человека. Внутренняя, скрытая целостность человека так же противоречива, как и внешняя. Противоположности сознательного и бессознательного, светлого и тёмного, духовного и телесного имеют свои внутренние корни. Но для того, чтобы человек в своей жизни излучал свет, радость, счастье, необходимо взаимодействие его «Я» с «иным». И различные «надо», «должен» духовного и материального плана, являясь на первый взгляд внешними и чуждыми для человека, на самом деле выступают для него значимыми ценностями.

При этом сама свобода выступает как фундаментальная человеческая ценность, обеспечивающая продвижение человека и общества вперёд и подчёркивающая его индивидуальную значимость. Данные тенденции достаточно хорошо просматриваются в настоящее время, когда идёт процесс разрушения прежних форм производства и воспроизводства, смена мировоззрений и верований. Но всё это уже повторялось и в истории, и в философии. Человек, вырвавшись на свободу, начал томиться поиском иных, новых смыслообразующих идей.

В связи с этим необходимо основываться на идее возможности рационального освоения бытия. При этом моральная свобода выступает как мера освоения и отчуждения. Но моральные рамки свободы и, соответственно, самоопределения личности весьма подвижны, так что к ним неприменима мера абсолютного и окончательного, застывшего и неподвижного.

Итак, в самих глубинах человеческого «Я» необходимо искать «корни» свободы. Решающее значение для человека может иметь не то обстоятельство, как поступали бы все люди, а то, *как следует поступать в индивидуальном случае.*

Только свободный поступок является нравственным и находится на более высокой духовной ступени, нежели поступок, продиктованный чисто моральными запретами. Но опора на чисто индивидуальную интуицию исключает общественную свободу, ибо этический индивидуализм находится в оппозиции к общественной нравственности, которая как раз опирается на идею самоопределения личности, исходящей из нравственного долга. Личность, опирающаяся на нравственный долг, стремится «втянуть» в сферу своей деятельности и «дальнего» человека (И. Г. Фихте), тем самым она самоопределяет духовные структуры как индивидуального, так и общественного самосознания.

Общественная свобода становится реальной силой, если отдельный человек побуждается идеей нравственности, связанной с любовью к дальнему «Я». Идея самоопределения личности связана в конечном счете с формированием чувства нравственного долга, как бы «втягивающего» в свою сферу и духовные, нравственные интересы человека, которые как раз и самоопределяют ее индивидуальную и общественную, культурную жизнь.

Список литературы

1. Виндельбанд В. О свободе воли // Виндельбанд В. Избранное: дух и история. М.: ЮРИСТ, 1995. 688 с.
2. Вышеславцев Б. П. Этика Фихте: основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М., 1914. 437 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1977. Т. 3. 471 с.
4. Максимов А. М. Свобода как противоречие самобытия и инобытия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 197 с.
5. Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. 636 с.

INDIVIDUAL FREEDOM PHENOMENON

Aibulat Rimovich Yanguzin, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy and Science Methodology
Bashkir State University
nbret@yandex.ru

The author reveals the specificity of individual freedom phenomenon and pays special attention to individual freedom and its self-determination in spirituality formation.

Key words and phrases: individual freedom; self-determination; highly spiritual individual; “boundaries” of freedom.